

6. «СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» А. ЯКОВЛЕВ

В ЦК А.Н. Яковлев был одним из опытных аппаратчиков: начиная с середины пятидесятых годов он прошел здесь путь от инструктора до секретаря ЦК, члена Политбюро и отлучался со Старой площади лишь для посольской работы в Канаде, для учебы в Академии общественных наук и годичной стажировки в Колумбийском университете (Нью-Йорк).

Мы познакомились в начале шестидесятых, когда я четыре года работал в ЦК, – «проездом» из Сибири в Сибирь. Отношения были нормальными, и с тех пор я всегда получал от Александра Николаевича новогодние поздравительные открытки, в том числе из Канады.

Там, в Канаде, во времена Андропова советский посол Яковлев встречал нашу делегацию во главе с Горбачевым. А вскоре Александра Николаевича вернули из зарубежной «ссылки», и он ненадолго возглавил Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. Уже в июле 1985-го Михаил Сергеевич предложил кандидатуру Яковлева на пост заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Через несколько месяцев Яковлев был избран секретарем ЦК и начал заниматься вопросами идеологии. Я курировал их как член Политбюро, однако вскоре установилось некое негласное разделение обязанностей: в мою сферу входили вопросы культуры, науки, народного образования, а Яковлев преимущественно сосредоточился на работе со средствами массовой информации. Это произошло как-то само собой, но, разумеется, при согласии Генерального секретаря. Впрочем, по поручению Михаила Сергеевича и мне порой приходилось встречаться с редакторами газет и журналов.

Но главная особенность такого распределения обязанностей заключалась в том, что именно Яковлев возглавил процесс замены главных редакторов. Процесс этот, в известной степени, носил объективный характер, ибо новый политический курс требовал соответствующего пропагандистского обеспечения, а некоторые руководители средств массовой информации были не в состоянии перестроиться. Помнится, в то время, имея в виду необходимость обновления редакторских кадров, я в шутку вспомнил слова Ленина, который, как известно, говорил, что революционное восстание

начинается с захвата почты и телеграфа. Увы, впоследствии моя шутка обернулась горькой правдой: я и не подозревал, что речь действительно шла о захвате средств массовой информации.

Дело в том, что Яковлев, который с 1967 по 1972 г. возглавлял Агитпроп ЦК КПСС (был и.о. заведующего отделом), хорошо знал идеологические кадры. Причем, не просто знал деловые качества работников, а вдобавок хорошо разобрался в этих людях. Кроме того, с некоторыми у него существовали давние дружеские отношения.

Впрочем, по моему глубокому убеждению, дружеские отношения не только не предосудительны, а, наоборот, являются большим подспорьем в политике. Мог ли я в те месяцы предположить, что на самом-то деле Александр Николаевич формирует свою «радикальную команду» средств массовой информации, которой будет отведена совершенно особая роль в грядущих событиях?..

* * *

Правда, во имя справедливости должен поведать и о своей ошибке, связанной с назначением редактора одного из самых праворадикальных, самых, если можно так сказать, забойных изданий – журнала «Огонек».

Впрочем, и в данном случае инициативу проявил отдел пропаганды, предложивший кандидатуру Коротича. А когда я попросил познакомиться с его творчеством, мне сказали:

– Недавно в «Роман-газете» опубликована книга «Лицо ненависти». В ней Коротич изложил свое политическое кредо.

Я внимательно прочитал «Лицо ненависти» и, конечно, сделал вывод о том, что автор стоит на прочных идейных позициях. Правда, местами мне показалось, что писатель несколько перебирает: уж слишком экстремистски он разделался с Америкой! Но такой перебор, по моему мнению, был делом поправимым, и я решил встретиться с Виталием Алексеевичем.

Когда высказал ему свои в целом положительные впечатления о книге «Лицо ненависти», Коротич был очень доволен. Обещал, если будет назначен редактором «Огонька», служить партии верой и правдой. Заверения были очень горячими, да ведь и книга какая! А надежнее всего о писателе, казалось бы, можно судить именно по его произведениям. Зачастую жизнь показывала обратное: сегодня в книгах одно, а завтра – другое, прямо противоположное.

В общем, я поддержал предложения отдела пропаганды, Яковлева, и вместе с ним подготовили решение об утверждении Коротича главным редактором «Огонька». Его перевели из Киева в Москву, и он, как говорится, не охнув, получил прекрасную квартиру в одном из престижных домов.

А потом началось...

Всем памятно агрессивные, сеявшие раздор среди интеллигенции публикации «Огонька», не раз подвергавшиеся критике, в том числе и на совещаниях редакторов, которые проводил Горбачев. Несколько раз я встречался с Коротичем, а порой он и сам приглашался на прием. При этом неизменно каялся, утверждал, что его подвели сотрудники, клялся, что исправится и что ничего подобного не повторится. Но потом я читал в «Огоньке» экстремистские, антисоциалистические публикации, накалявшие общественную атмосферу, оскорблявшие армию, нацеленные против партии.

Коротич приходил снова. Снова каялся, снова клялся. И снова грешил.

Таким уж оказался этот человек, написавший резко антиамериканскую повесть «Лицо ненависти». Замечу, кстати, это американцы ему простили. Сейчас он перебрался в США, оставив свой редакторский кабинет другому. И еще одно «кстати»: в ту пору, когда антисоциалистическая пресса подвергла меня яростным нападкам, «Огонек» был в первых рядах нападавших. Но это вовсе не мешало Виталию Алексеевичу до 1990 г. включительно присылать мне трогательные поздравительные новогодние открытки, в которых он... благодарил «за науку». Вот такой это человек с двойным дном.

В общем, Коротича я готов, как говорится, записать себе в вину, во всяком случае, отчасти. Но что касается остальных радикальных редакторов, то всех их «пробивал» Александр Николаевич.

Правда, начал он со «спокойного» варианта. Если не ошибаюсь, самая первая редакторская замена при Яковлеве касалась главного партийного журнала «Коммунист». Его возглавлял Р.И. Косолапов, которого освободили от работы и отправили преподавать в Московский университет. Меня не покидало ощущение, что речь шла о каких-то личных счетах, хотя и не только о них. Ричард Иванович был одним из немногих, за кем, как говорится, присматривали и после ухода из журнала. «Присмотр» заключался в том, чтобы не позволить этому способному человеку вновь продвинуться по служебной и общественной лестнице.

Помню, мне однажды позвонил в этой связи ректор МГУ академик Логунов и сказал:

– Егор Кузьмич, на меня жмут, чтобы я не назначал Косолапова деканом факультета...

Взвесив мнения о Косолапове, которые приходилось слышать, и посоветовал:

– А вы его держите исполняющим обязанности. Главное – пусть в этой должности работает.

Спустя ровно пять лет на втором этапе Учредительного съезда Компартии РСФСР снова возник вопрос о Косолапове. К тому времени Ричард Иванович вновь появился на общественной арене,

его статьи и публичные выступления показывали, что он занимает прочные партийные позиции, борется за истинное обновление социализма. И кто-то предложил включить Косолапова в состав ЦК Российской компартии.

Но на трибуну немедленно взбежал первый заместитель главного редактора «Коммуниста» Лацис (впоследствии один из видных политических оборотней, ярый антисоветчик) и принялся клясть Косолапова за якобы былую связь с Черненко. Не знаю, была ли она на самом деле, но даже если и была, то почему ее надо ставить в упрек? И почему только Косолапову? Никто ведь не третирует бывших высокопоставленных работников ЦК КПСС, получивших Ленинскую премию за телефильм о Брежневе, которые и сегодня занимают весьма высокие должности.

Нет, безусловно, в отношении к Косолапову проявилось не только нечто мировоззренческое, но, думаю, и что-то личное.

Вместо Косолапова в «Коммунист» пришел Фролов, работавший вместе с Яковлевым в аппарате ЦК. А затем именно Фролов, уже в звании члена-корреспондента, был утвержден помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, потом стал академиком. Рассказываю об этом к тому, что примерно с 1987 г. почувствовал: Горбачева все больше и больше начинают окружать людьми, которые в личном плане замыкаются на Яковлева.

Кроме того, легко просматривалась и такая тенденция: от Генерального секретаря постепенно отдалялись люди, хорошо знающие практическую жизнь страны, а их заменяли ученые с академическим мышлением.

Безусловно, лидеру необходимы помощники и советники с академическим мышлением, более того, они незаменимы. Однако как в искусстве, так и в политике все дело в пропорциях. Горбачева явно привлекал ореол «просвещенного монарха». В конечном же итоге наметившийся академический крен привел к чрезмерному увлечению сугубо политическими проблемами в ущерб практической работе по руководству страной. Правда, числа заседаний и совещаний, проводимых «командой Горбачева», не счесть, но каждодневная работа со стороны Генсека по контролю за исполнением принятых решений была ослаблена донельзя.

Однако этот недостаток, присущий многим политическим лидерам, легко компенсируется с помощью соответствующего подбора помощников, советников и соратников. В идеале команда Горбачева должна была бы сочетать реалистов-практиков с людьми академического мышления. Но, увы, не суждено было создать такой коллектив. А такие люди были. Но Горбачев избрал другой путь.

Но прежде чем рассказать, как это было сделано, позволю себе напомнить еще о некоторых событиях, связанных с борьбой вокруг средств массовой информации.

В сентябре 1987 г. газета «Московские новости» опубликовала некролог в связи со смертью в Париже писателя Виктора Некрасова, и эта публикация вызвала в ЦК большое неудовольствие. Надо вспомнить то время – новые подходы к оценке наших соотечественников, по разным причинам выехавших за рубеж, еще не утвердились. Поэтому в Политбюро была высказана критика в адрес «Московских новостей». Михаил Сергеевич, будучи в отпуске в Крыму, позвонил, поручил мне на очередном совещании главных редакторов газет и журналов сообщить о занятой нами позиции. Кроме того, на совещании была оглашена справка заместителя заведующего сектором газет С.С. Слободенюка, из которой явствовало следующее.

Оказывается, Слободенюку позвонил тогдашний заведующий Отделом культуры ЦК Ю.П. Воронов и сказал, что «Литгазета» и «Московские новости» намереваются печатать некролог в связи со смертью Некрасова. Слободенюк проинформировал об этом секретаря ЦК Яковлева, а затем передал Воронову, что указание секретаря ЦК таково: некролог не печатать. Об этом же Слободенюк сообщил в газету «Московские новости». Однако главный редактор «МН» Е. Яковлев указание секретаря ЦК А. Яковлева не выполнил.

Вот обо всем этом и шла речь на совещании редакторов, которое состоялось как раз на следующий день после выхода газеты с некрологом – 14 сентября.

Но главный редактор «МН» с таким мнением не согласился и утверждал, что никаких указаний из ЦК он не получал, а это прямо противоречило справке Слободенюка. Вот вокруг этой нестыковки, как говорится, и разгорелся сыр-бор.

Горбачев, Яковлев и я заняли единую позицию в отношении публикации некролога. Мы не касались художественной стороны творчества писателя, брали его политическую позицию в эмиграции. Во-вторых, в то время мы оценивали некоторых соотечественников, эмигрировавших за рубеж, совершенно иначе, чем сегодня.

В конце концов аналогичный процесс шел и в сознании главного редактора «Московских новостей». Примерно в тот же период газета перепечатала из «Фигаро» письмо девяти эмигрировавших из СССР деятелей литературы и искусства под названием «Пусть Горбачев представит доказательства». А вслед Е. Яковлев опубликовал свою статью «Доказательства от обратного», в которой весьма основательно «разделал» Любимова, Аксенова, Неизвестного, Мак-

симова и других наших соотечественников, подписавших письмо в «Фигаро». Редактор ультрарадикальной газеты упрекал авторов письма в «ограниченно-культовском мышлении». Однако, повторяю, было бы столь же нелепо корить главного редактора «МН» за эти строки четырехлетней давности.

И я не стал бы вспоминать о том инциденте, если бы у него не было примечательного продолжения.

Дело в том, что после того совещания Е.В. Яковлев написал на меня в ЦК жалобу, которую на журналистском жаргоне правильнее всего было бы назвать «телегой». Почему в мой адрес? Только потому, что я проводил совещание?.. Но ведь я высказал позицию не только свою, но и Горбачева. Вдобавок, запрещал-то публикацию некролога вовсе не я, а секретарь ЦК Яковлев. Почему же редактор праворадикальной газеты свои претензии обратил только ко мне?

Признаться, поначалу я не придавал этому значения. Однако через несколько дней обстоятельства заставили меня всерьез задуматься над происшедшим. Горбачев поступил с «телегой» весьма своеобразно: он разослал ее для ознакомления всем членам Политбюро. Никто, ни сам Михаил Сергеевич, никто другой, не высказал мне в связи с письмом главного редактора «МН» каких-то замечаний. Но то, как использовали жалобу, поневоле наводило на размышления: тут, с одной стороны, отчетливо прочитывалась поддержка Е. Яковлева, а с другой – легкий «щелчок» в мой адрес.

* * *

Тот случай произвел на меня неприятное впечатление, и я сам постепенно стал отходить от руководства СМИ. Видимо, в этом заключалась моя ошибка, поскольку в ту пору еще шел процесс размежевания газет и журналов по идейным позициям, и можно было оказать на него определенное влияние. В итоге Горбачев с Яковлевым, как говорится, полностью взяли прессу на себя. Горбачев регулярно проводил встречи с главными редакторами, звонил некоторым из них. В тот период Михаил Сергеевич вплотную занимался идеологической деятельностью партии.

Правда, все более и более начинали вырисовываться некоторые особенности встреч Генерального секретаря с руководителями СМИ. Во-первых, несмотря на присутствие почти всех членов Политбюро, говорил на этих встречах только Горбачев, остальные пребывали в странной роли статистов. А во-вторых, такие встречи явственно стали вырождаться в многочасовую говорильню. Михаил Сергеевич критиковал, наставлял и убеждал редакторов способствовать сплочению общества. Однако к его призывам не прислушались: экстремистская пресса продолжала свою разрушительную

работу, наращивая крен в сторону негативных публикаций, круша все и вся в отечественной истории.

Помнится, несколько раз я говорил с Михаилом Сергеевичем о малой пользе таких встреч. Он сердился, давал указания идеологическому отделу лучше «работать» со средствами массовой информации. Потом и эти указания сошли на нет. Мне сдается, вначале Горбачев недооценивал последствий разрушительной работы для всего общества некоторых изданий, телевидения, радио. Уже в то время отчетливо выявилась вполне определенная роль СМИ в дестабилизации положения в Прибалтике. В Литве, Латвии и Эстонии народнофронтская печать стала тараном, с помощью которого расшатывали устои социализма и союзного государства. Об этом предупреждали, об этом писала газета «Правда» еще в ту пору, когда ее возглавлял В.Г. Афанасьев, один из немногих редакторов центральных газет, который был вне сферы влияния А.Н. Яковлева. Потому-то и делалось все, причем небезуспешно, чтобы убраться Афанасьева.

Не напрасно уже в то время многие предостерегали, что Прибалтика, и в частности Литва, служит как бы полигоном, на котором испытываются радикальные разрушительные модели.

К сожалению, ни Горбачев, ни Политбюро в целом не прислушались к этим предостережениям.

Уже тогда было видно, что гласность и демократию некоторые радикалы стремятся использовать в целях нагнетания общественной напряженности, дезориентации массового сознания, дестабилизации государства. Между тем задуманная нами в 1985 г. перестройка остро нуждалась именно в гражданской согласии, в народном единстве. Чтобы не допустить развала партии и страны, не допустить анархии, надо было, в том числе, научиться по-новому управлять СМИ не путем диктата, а через товарищескую работу, дискуссии, учитывая в то же время социалистический плюрализм газет и журналов, телевизионных программ.

Однако острота радикальных публикаций все чаще переходила в разнузданность. Трудно припомнить такие заседания Политбюро, на которых стихийно не возникали бы вопросы по СМИ. Их поднимали практически все члены ПБ, особенно Рыжков, Крючков, Лукьянов и секретари ЦК, за исключением Яковлева и Медведева. В ЦК потоком шли письма людей, возмущенных публикациями, оскорблявшими нашу партию, армию, ветеранов.

Естественно, на такие письма нельзя было не реагировать. Нередко возмущался некоторыми статьями и телепередачами сам Горбачев. Но каждый раз это была буря в стакане воды. Все кончалось словопрениями – без принятия каких бы то ни было решений. Правда, порой Политбюро поручало Медведеву «разобраться», од-

нако судьба этих поручений была неизвестна, никто потом не вспоминал о них, Медведев об исполнении не докладывал. Думаю, более того – не сомневаюсь, что такая политика была хорошо известна «капитанам» праворадикальной прессы, она их «вдохновляла».

Ситуация обострилась еще и тем, что на всех Пленумах ЦК того периода, на всех совещаниях рабочих, крестьян, учителей, промышленников обязательно и в больших дозах звучала очень острая критика СМИ. Сегодня, перечитывая стенограммы пленумов тех лет, я снова и снова поражаюсь позиции, которую занимал Горбачев. Он либо вообще не замечал этой критики, либо истолковывал ее как чью-то попытку уйти из-под контроля общественности, прессы. Генеральный секретарь допускал серьезную ошибку. В стране явно устанавливалась диктатура праворадикальных средств массовой информации. Речь шла о жестоком пропагандистском терроре. Ни о каком разномыслии говорить не приходилось. В один день, словно по команде, пять-шесть ведущих московских изданий вкупе с телевидением, «Маяком», а также при мощной поддержке зарубежных радиоголосов, обрушивались на своих противников, вал за валом скоординированно накатывались на страну дестабилизирующие пропагандистские кампании.

От людей, называвших себя демократами, как говорится, за версту разило диктаторскими замашками, стремлением к монополии над умами. Это была очень опасная тенденция, угрожавшая подлинной демократии. Но Горбачев игнорировал предостережения. А в конечном итоге случилось именно то, что и должно было случиться. Выпущенный из бутылки злой джинн набросился на своего освободителя: радикальная пресса выступила против Горбачева, причем в самый сложный, самый критический момент перестройки.

Горбачеву потребовалось два года, чтобы наконец на октябрьском (1990 г.) Пленуме ЦК поставить вопрос «об ответственности средств массовой информации» за то, что они «пытаются навязать односторонние, субъективные взгляды, выдавая их за мнение народа». Такие СМИ он справедливо обвинил в «злоупотреблении гласностью в подстрекательских целях». Как видите, долго он шел к этому выводу. А политике перестройки, процессу демократизации, всему обществу был нанесен большой урон.

* * *

Резко нараставшая критика праворадикальных антисоветских СМИ разными слоями общества, а особенно в партии, вынудила А.Н. Яковлева попытаться теоретически обосновать разрушительную деятельность тех газет и журналов, которым он покровительствовал. Так появился на свет загадочный тезис о том, что печать и телевидение являются всего лишь зеркалом, отражающим жизнь:

какова жизнь, таковы, мол, СМИ. Однажды Яковлев так и сказал на заседании Политбюро:

– Главная задача средств массовой информации – отражать то, что происходит в жизни, в обществе. Нечего удивляться, что они сегодня такие...

Помню, в ответ на эти слова все возмущенно загудели, и это дружное неприятие заставило Александра Николаевича умолкнуть. Но вопрос остался: как мог Яковлев, долгие годы ведавший в ЦК идеологией, заявить о «зеркале» как о главенствующей функции СМИ? Спорить по этой проблеме было совершенно ни к чему. Все, в том числе и сам Яковлев, отлично знали, что пресса и телевидение – это самый могучий рычаг формирования общественного мнения.

И вдруг – всего лишь «зеркало»!

В тот раз я впервые поразился той невозмутимости, с какой Александр Николаевич, вопреки упрямым фактам, мог называть черное белым, а белое черным. Но впоследствии понял, что речь идет о полемическом приеме, который часто использовал этот политик. В данной связи вспоминаю первомайскую демонстрацию 1990 года на Красной площади. После того как перед Мавзолеем В. И. Ленина прошли профсоюзные колонны, на площади состоялась альтернативная манифестация «бешеных». Под эгидой и по настоянию Моссовета ее организовали Московский клуб избирателей, Демплатформа и другие так называемые левые силы, которые несли лозунги, направленные против Политбюро и лично Горбачева.

Помню, ко мне подошел Михаил Сергеевич, сказал:

– Егор, пора, видимо, кончать с этим. Пойдем...

– Да, пора кончать, – ответил я.

Вместе с Горбачевым мы все покинули трибуну Мавзолея*. Все, казалось бы, было предельно ясно. Расклад политических сил – вот он, въяве! Но вдруг на пресс-конференции, транслировавшейся по ЦТ, Яковлев невозмутимо заявил, будто антигорбачевскую демонстрацию на Красной площади устроили... консервативные силы. Его заявление было опубликовано в «Правде» и вызвало чувство крайнего недоумения. Стало еще яснее, какие силы представляет в Политбюро сам Яковлев.

Возвращаясь к «теории зеркала», напомним, что Яковлев не ограничился выступлением на заседании Политбюро. Несмотря на вышеупомянутую реакцию, он отстаивал свой тезис в прессе, а также

---

* В тот раз я снова в присутствии членов Политбюро сказал Горбачеву, что происходящее свидетельствует о том, в каком расстроенном состоянии находится страна. Но Михаил Сергеевич отмахнулся от предостережения, упрекнул меня в том, что я вновь о том же самом...

в речи перед редакторами молодежных газет в Высшей комсомольской школе. Вторил ему Медведев, который попытался внедрить идею о «зеркале» даже на одном из Пленумов ЦК, вызвав бурную отрицательную реакцию зала.

Несколько раз члены Политбюро на заседаниях высказывали коллективное возмущение тезисом о «зеркале». Но, увы, все шло своим путем. Гуттаперчевая позиция Горбачева оборачивалась невмешательством высшего политического руководства в деятельность СМИ. Пользуясь этим, прикрываясь «теорией зеркала», радикалы через прессу и телевидение все активнее манипулировали общественным сознанием, устраивали настоящую травлю неугодных им людей, а в дни избирательных кампаний грубо нарушали закон о выборах, предоставляя преимущественное право для агитации своим кандидатам.

* * *

Хочу повторить, что ни о каком разномыслии в прессе речи не шло – в средствах массовой информации явно воцарилась диктатура разрушительных сил. Именно это ускорило подрыв экономики, обострило национальные конфликты. Именно удары праворадикальной прессы серьезно ослабили правоохранительные органы, что дало сильный всплеск преступности, дискредитировали армию. Да и вообще под их ударами иммунная система общества оказалась ослабленной. Будущие историки без труда обнаружат прямую связь между деструктивными публикациями и тяжелыми болезнями всего нашего общества – для этого им нужно будет полистать праворадикальную прессу периода перестройки.

Надеюсь, меня понимают правильно. Я вовсе не хочу бросить тень на всех журналистов, чьи публикации вольно или невольно способствовали общей дестабилизации жизни. Уверен, подавляющее большинство из них, особенно молодые, направляемые искусственными в политике взрослыми дядями, как говорится, не ведали, что творили. И не надо воспринимать мои обвинения в адрес деструктивной прессы как неуважение, нелюбовь и недоверие к средствам массовой информации вообще. Я в высшей степени ценю их, о чем хорошо известно многим советским и зарубежным журналистам, с которыми охотно встречаюсь. Немало изданий, целые журналистские коллективы оказались на высоте требований времени, занимают принципиальную линию, правдиво освещая прошлое и настоящее. Примером тому служит народная газета «Советская Россия».

И нет у меня какого-то там мстительного озлобления на те органы печати, которые немало писали обо мне несправедливого, пороку даже клеветнического. Сегодня, когда давно схлынули политиче-

ские страсти, два с лишним года бушевавшие вокруг моего имени, ко мне часто обращаются именно те газеты и журналы, которые еще недавно на меня «охотились». И я стараюсь им не отказывать. Более того, как политик считаю, что их надо активно использовать в пропаганде коммунистических взглядов, печататься даже в реакционных изданиях. Нет, мои размышления о перестроечной роли СМИ навеяны вовсе не былыми обидами. Речь идет о серьезном политическом анализе всего случившегося со страной в последние годы, и здесь роль средств массовой информации обойти никак нельзя, она – ключевая. Мы в СССР, конечно, всегда знали это. Однако по-настоящему, в полной мере не представляли себе, что же такое СМИ в условиях широкой гласности, плюрализма, каким могучим и грозным оружием они могут стать. Александр Николаевич Яковлев, многие годы работавший на Западе, безусловно, понимал это гораздо лучше других членов Политбюро. И с самого начала он установил личный контроль над частью СМИ.

Именно праворадикальные СМИ стали поначалу тайным, а затем и явным оружием Яковлева в борьбе за власть на Старой площади. Именно с их помощью он направлял общественное мнение против своих оппонентов.

* * *

Мое первое открытое столкновение с Яковлевым относится как раз к тому периоду, когда произошел вышеописанный случай с «Московскими новостями».

Была осень 1987 года. Во время отпуска Горбачев, как всегда, продумал ряд предложений по дальнейшему развитию политических процессов в стране, и сразу по его возвращении в Москву состоялось заседание Политбюро, на которое вынесли коренной вопрос: «Масштабы и темпы перестройки». Обсуждение было интересным, многоплановым – длилось долго, а по его итогам мне, Яковлеву и другим товарищам было поручено составить проект постановления.

Подготовив документ, я завизировал его и передал в общий отдел для рассылки всем членам Политбюро. А через день или два мне принесли от Горбачева проект постановления, в котором отсутствовали многие пункты. В частности, из проекта были изъяты осужденные очернительства нашей истории и критические замечания в адрес средств массовой информации. Оказывается, Яковлев, никого не поставив в известность, изменил текст постановления, причем по самым принципиальным вопросам.

Это, признаться, меня сильно удивило, ибо нарушало общепринятый порядок прохождения постановлений через Политбюро. А главное, свидетельствовало о попытке игнорировать коллективное мнение членов ПБ. Ведь на заседании звучала очень сильная

критика СМИ, много внимания мы уделили их негативной роли по очернительству советской истории, ЦК был завален гневными письмами на эту тему.

Я немедленно набросал свои замечания к проекту и отослал их Горбачеву, сопроводив специальной запиской. Ее черновик сохранился в моем архиве, и считаю целесообразным привести здесь записку полностью:

«Михаил Сергеевич!

По поводу замечаний тов. Яковлева А.Н. к проекту постановления ЦК КПСС «Об узловых вопросах перестройки в стране и задачах партийных организаций по ее активизации».

Как видно, из проекта постановления начисто исключено все то, что осуждает имеющиеся в печати попытки сенсационности, очернительства всего достигнутого нашим обществом. О такого рода явлениях говорили члены Политбюро ЦК при обсуждении нынешнего этапа перестройки. Об этом же пишут трудящиеся в письмах, сообщают в публикациях. Как же можно такие факты не замечать?

Кое-что действительно можно опустить или добавить (текст прилагается). Таковы мои замечания по существу. А теперь о форме. О предложениях тов. Яковлева А.Н. я узнал лишь после того, как Вы направили проект на голосование, хотя под документом стояла и моя подпись.

06.10.87 г.»

Вскоре я получил от Михаила Сергеевича написанную тоже от руки записку такого содержания:

«Егор Кузьмич!

Прошу тебя еще раз собраться и спокойно обсудить. А потом зайдешь ко мне. Может быть, еще надо подумать, что писать, а что иметь в виду».

Вот эта фраза: «надо подумать, что писать, а что иметь в виду» – меня поразила. Как же так, общество бурлит, ширятся требования граждан, общественности навести в печати демократический порядок, а мы должны лишь «иметь это в виду»...

В общем, «собраться» я больше не стал, отлично понимая бессмысленность, бесперспективность дальнейших обсуждений. Горбачев мои замечания не учел. В печать пошел текст постановления, выправленный Яковлевым, – критика праворадикальных средств массовой информации и очернительства нашей истории в нем полностью отсутствовала.

Той же осенью между мною и Яковлевым состоялось объяснение. Печать стала все настойчивее критиковать Яковлева за его статью «Об антиисторизме», опубликованную «Литературной газетой» в 1972 г. Претензии заключались в том, что автор выступал против возрождения русского национального самосознания, считал идейно вредным издание «Истории государства Российского» Карамзина, на чем уже в ту пору настаивали некоторые писатели, обвинял крестьянство в патриархальщине и т. д.

Как выяснилось из публикации периода перестройки, та статья Яковлева вызвала негодование Шолохова, он пожаловался Суслову. В результате Яковлева отстранили от руководства отделом пропаганды ЦК и в виде «наказания» отправили послом в Канаду. Вот в связи с появившейся в печати критикой той статьи и состоялся наш разговор. Правда, встретиться один на один, чтобы объяснить с Яковлевым, меня просил и Горбачев, понимавший, что между нами назревает принципиальный конфликт. Впрочем, не думаю, что Михаил Сергеевич имел в виду какое-то компромиссное примирение. Но так или иначе, а начался наш разговор с того, что Александр Николаевич предъявил мне счет: почему я не встал на его защиту, когда появились критические публикации по поводу его давней статьи? А я, между прочим, ту статью и не читал, в чем честно ему признался.

– Я тебе ее пришлю, – сказал Яковлев. – Прочитай, выскажи свое мнение. Думаю, ты должен поддержать меня. Нападают на меня незаслуженно.

Потом разговор перекинулся на злободневные темы, и сразу обнаружилось, что мы стоим на разных позициях: расходимся во взглядах на историю, на партию, на процессы демократизации.

Полтора часа мы объяснялись с глазу на глаз в моем кабинете, но, как говорится, коса нашла на камень, каждый остался на своей точке зрения. Отношения прояснились окончательно.

Впрочем, еще оставалась слабая надежда на то, что по прочтении статьи «Об антиисторизме» я займу сторону Яковлева – Александр Николаевич необычайно ценил, когда ему оказывали личную поддержку. Но после прочтения его статьи я позвонил ему по телефону и сказал:

– Не считаю нужным ввязываться в эту дискуссию. Немало в вашей статье оплошностей, особый взгляд на прошлое... Со многим я не согласен.

Статья была серьезная, речь не просто шла об оценке тех или иных фактов – она носила мировоззренческий характер. И здесь я уступить не мог, я не мог сближаться с Яковлевым на беспринципной основе: «ты – мне, я – тебе».

Затем позвонил Михаилу Сергеевичу и сказал, что встречался с Яковлевым, но пришел к выводу, что мы по-разному смотрим на многие важные вещи, придерживаемся разных взглядов, позиций.

– В общем, Михаил Сергеевич, – подытожил я, – единомыслия у нас с Яковлевым не получится, надо смотреть правде в глаза.

Все точки над «i» были расставлены.

* * *

С этого момента я уже не сомневался, что предстоит затяжная борьба, в которой главной ударной силой против меня выступят именно праворадикальные средства массовой информации. Конечно, я не знал, как именно будут развиваться события. Не знал, что мне будут, извините, «шить» так называемое «дело Гдлына», «тбилисское дело», что меня объявят «главным консерватором», а в связи со статьей Нины Андреевой на Политбюро будут искать «антиперестроечную группу». Но я понимал, что наступает трудный период. Я понимал, кому и почему я мешаю. И сознательно шел на осложнение, потому что предвидел тучи, заходившие на страну.

Правый радикализм, который на высшем уровне советского руководства наиболее полно олицетворял собой Яковлев, угрожал сбить перестройку с ритма, не считаясь с реалиями, пришпорить темпы преобразования. Я обязан был сделать все от меня зависящее, чтобы в меру сил препятствовать этим губительным веяниям. Как в 1983-м, так и в 1987 г. меня не беспокоили карьерные соображения, я воспринимал предстоящую борьбу как борьбу не за личную власть, а за идеи и, не колеблясь, вступил в нее.

Но даже той переломной осенью мне не могло в самом худом сне присниться, что отстаивать, защищать придется уже не только концепцию перестройки, принятую в 1985 г., но самое святое – социализм, Советскую власть, Компартию. Ибо на этих главных направлениях вскоре и повели атаку правые радикалы, лжедемократы.

Не мог я, разумеется, предвидеть и того, как остро, напряженно будут развиваться события непосредственно на Старой площади.

На деле-то получилось, что стремление убавить влияние Лигачева обернулось негативными последствиями для всей КПСС. Как верно заметил один из членов ЦК, на партию словно напал столбняк.

Дело тут, конечно, не в моей персоне, так сложились обстоятельства.

Впрочем, расскажу по порядку. Ровно через год после описанных событий снова в период очередного отпуска (сентябрь 1988 г.) Горбачев разработал план реорганизации работы ЦК. Он предложил создать комиссии по идеологии, по организационным, эконо-

мическим, аграрным, международным и другим вопросам, причем каждому из них должен был возглавить член Политбюро.

Естественно, такая реорганизация мотивировалась задачами улучшения деятельности ЦК КПСС. Однако на самом-то деле здесь преследовалась и другая цель.

К тому времени сложилась довольно-таки запутанная ситуация, при которой идеологией в Политбюро занимались два человека – Лигачев и Яковлев. Если же учесть, что мы стояли на разных позициях, то это, конечно, создавало атмосферу противостояния. И объективно говоря, ситуацию действительно следовало разрядить.

Но путь, выбранный для этого, оказался по меньшей мере странным: создание комиссий автоматически похоронило Секретариат.

Если вдуматься, было допущено серьезнейшее нарушение Устава КПСС, поскольку в нем прямо говорилось о Секретариате как о постоянно работающем органе ЦК. Это беспрецедентный факт в партии за последние десятилетия. При этом, вольно или невольно, хитрость состояла в том, что никто даже речи не вел о ликвидации заседаний Секретариата, никто вроде бы на них и не покушался. Однако после создания комиссий заседания Секретариата прекратились сами собой. Партия оказалась лишенной оперативного штаба руководства.

Это сразу пагубно сказалось не только на деятельности самого ЦК, но горько аукнулось в обкомах и крайкомах партии. Резко снизилась исполнительская дисциплина, ослаб контроль. Одной из важных функций Секретариата было обобщение полезного опыта в партии в целом. Но отраслевые комиссии вынудили партийцев разбредиться по своим сусекам. Центр как бы провалился, провисли управленческие связи.

Секретариат не собирался около года, хотя официально об этом не сообщалось. Но на местах, да и за рубежом, конечно, все знали и задавали множество вопросов. Я объяснял происходившее тем, что образованы комиссии ЦК по основным проблемам политики партии. Считаю, что допустил ошибку, не поставив вопрос о прекращении деятельности Секретариата на Политбюро, на Пленуме ЦК. Скажу честно: не сделал это по одной причине – вопрос идевал лично меня. Ложное понимание скромности привело к уступкам там, где делать их нельзя. И даже тогда, когда кандидат в члены Политбюро А. П. Бирюкова задала Горбачеву вопрос о том, почему не работает Секретариат, я промолчал. Этот вопрос Бирюковой Михаил Сергеевич перебрал мне. Спросите Лигачева, нужен ли ему Секретариат, сказал он. Я не ответил... Что ж, что было, то было...

В новой, невероятно усложнившейся политической обстановке коммунисты на местах вполне обоснованно ждали ориентировок из Москвы. Просьбы, даже требования сформулировать четкую партийную позицию по отношению к происходящему многократно звучали на Пленумах ЦК. Это были справедливые, законные требования: для того и существует ЦК, этот главный партийный штаб, чтобы руководить коммунистами в условиях острой политической – а вдобавок и предвыборной! – борьбы. Именно эта задача лежит на центральных органах всех партий во всем мире.

Но в ответ на многочисленные требования с мест четко обозначить линию партии Горбачев без конца повторял:

– Сами решайте, как действовать. Не ждите подсказки из центра. Сами решайте!

Это был ошибочный тезис, разоружавший партию перед лицом новой опасности – антикоммунизма. А вдобавок – тезис весьма лукавый, если не сказать сильнее. Ведь на места все-таки шли указания, но какие? Помните устные распоряжения периода избирательной кампании:

«Не вмешиваться! Не вмешиваться!» Ведь они связывали руки тем партийным комитетам, которые, поверив призыву «Сами решайте!», пытались активно влиять на предвыборную борьбу.

То, что Секретариат ЦК в то время уже не собирался, очень пагубно отозвалось на итогах выборов.

Да, прекращение заседаний Секретариата повлекло за собой еще одну крупную неприятность, крайне негативно сказавшуюся на КПСС. В значительной мере был подорван принцип коллективного руководства, в том числе коллективного обсуждения кадровых вопросов. Из стен ЦК продолжали выходить решения Секретариата, однако принимались они формальным путем: шла пересылка служебных бумаг из кабинета в кабинет для визирования.

Между тем из истории партии известно, что каждый раз, когда начинались нарушения принципа коллективного руководства, это приводило к печальным последствиям для страны в целом. Такие нарушения случались в разные времена и по разным причинам. Что касается Яковлева, то Секретариат ему явно мешал – чем дальше, тем сильнее. Я чувствовал на заседаниях, что подготовленные материалы Секретариата он читал не всегда. На заседаниях по большей части отмалчивался, а с весны 1988 г. и вовсе стал посещать их с переборами. Причем иногда не ставил меня в известность о том, что будет отсутствовать. Однажды пришлось даже сделать ему замечание, на что Яковлев ответил:

– У меня есть поручение Михаила Сергеевича, я работал за городом...

А когда я рассказал об этом Горбачеву и Генсек ушел от прямого ответа, мне все стало ясно: Секретариат мешает.

Спустя примерно год сама жизнь заставила вернуться к заседаниям Секретариата – без него работе аппарата угрожал настоящий паралич. Но заседания эти были эпизодическими, крупные вопросы на них на рассматривались. Проходили заседания под председательством Медведева.

А регулярные заседания Секретариат возобновил лишь после XXVIII съезда партии, причем, заметьте, продолжали работать и комиссии ЦК. Жизнь показала, что одно другому не мешает, не противоречит. И это лишь подтвердило: упразднение заседаний Секретариата было искусственной, намеренной акцией.

Известно, что после образования комиссий мне поручили вести аграрной политикой, Яковлеву – международными вопросами. А идеологией стал заниматься Медведев.

Прекращение заседаний Секретариата и утверждение главным идеологом партии Медведева означало, что истинным вершителем идеологической политики в ЦК становился Яковлев. С этого момента его роль окончательно определилась – он стал «серым кардиналом».

Именно Яковлев, сумевший окружить Горбачева своими людьми, незримо, закулисно стоял за многими неожиданными поворотами и зигзагами политики последних лет. Именно он в роли предводителя праворадикальной прессы пытался манипулировать общественным сознанием.

Конечно, возникает вопрос: как же могло случиться, что Александр Николаевич после устранения со своего пути такой серьезной помехи, как постоянно работающий коллективный Секретариат, не сумел вообще избавиться от Лигачева? Но ответ на этот вопрос весьма прост. И Яковлев, и Горбачев отлично понимали, что не смогут поставить на Пленуме ЦК вопрос о том, чтобы вывести меня из состава Политбюро. Пленум их не поддержит. Более того, сама попытка поднять эту тему могла бы обернуться непредсказуемыми последствиями для ее инициаторов. Горбачев хорошо знал, каким влиянием я пользовался у актива партии.

* * *

Сам факт непрерывных атак на меня заставляет задуматься над их глубинными причинами. Снова и снова хочу сказать о том, что личных мотивов – скажем, неприязни или старых счетов – во всей этой истории не было. С Яковлевым у меня отношения прежде были равными, а с Горбачевым и вовсе дружескими, о чем я уже писал.

Мы вместе шли к апрелю 1985 г., вместе начинали перестройку. Что же касается борьбы за власть, которую вел Яковлев, то и этот вопрос по сути дела решился осенью 1988 г., когда я был де-факто удален с поста второго секретаря и занялся исключительно аграрными проблемами. Нужно ли было после этого разворачивать против меня такие бурные пропагандистские кампании?

С точки зрения антиперестроечных сил – безусловно нужно! Потому что продолжалась, более того, нарастала упорная идейная борьба. Своей твердой позицией я стоял на пути разрушения экономики, государства, сильно мешал радикалам, за волосы тащившим страну к развалу. Я продолжал отстаивать социалистический выбор, классовые интересы трудящихся и боролся против идейного разоружения партии.

Вот почему у меня и мысли не возникало самому подать в отставку, на что кое-кто, видимо, сильно рассчитывал. Кстати, к этому открыто призвал писатель Адамович, один из радикалов, которых можно отнести к категории «ультра» и которые немало потрудились над тем, чтобы внести в общество раскол. Но зато в сотнях писем, шедших ко мне со всей страны, содержалось требование не подавать в отставку. Причем это был наказ не только рядовых коммунистов, но и многих беспартийных. Люди требовали, призывали меня держаться – и я держался!

И к весне 1990 г., когда над страной реально нависла угроза всеохватного кризиса, когда многие предостережения, к сожалению, сбылись, я отчетливо стал ощущать, что общественная атмосфера вокруг меня начинает меняться. Во-первых, резко упало доверие народа к праворадикальной прессе, обвинявшей меня во всех смертных грехах. Кроме того, всем стало ясно, что клеветнические обвинения Гдяна и Иванова были спровоцированы. В общем, скажу откровенно, я почувствовал заметное облегчение. К этому же периоду относится и целый ряд моих шагов, предпринятых непосредственно в ЦК. В частности, я требовал немедленного созыва Пленума ЦК КПСС для обсуждения создавшегося в партии и стране положения.

На том, чтобы созвать Пленум для обсуждения текущего момента, настаивали многие партийные организации. Соответствующие постановления приняли Московский городской, Ленинградский областной партийные комитеты, некоторые обкомы партии РСФСР, Украины, Белоруссии, партийные комитеты других республик, руководители которых входили в состав ЦК КПСС. Поток постановлений по этому вопросу, получаемых в ЦК КПСС, увеличивался. Но дальше ознакомления с ними членов Политбюро и секретарей ЦК дело не шло. Я постоянно спрашивал себя: как должен поступить в этой ситуации член политического руководства? Все попыт-

ки рассмотреть вопрос на Политбюро остались безрезультатными. И тогда я использовал уставное право коммуниста – обратился с письмом в ЦК. Привожу его здесь без сокращений.

«Генеральному секретарю тов. Горбачеву М.С.

После мучительных раздумий я решил обратиться к Вам, Михаил Сергеевич, по вопросам положения в КПСС.

В первые три года перестройки обстановка в обществе менялась к лучшему, поднимался авторитет партии. Затем началось попятное движение. Теперь, как многие говорят с тревогой, страна подошла к пределу. Нависла реальная угроза целостности советской федерации, единству КПСС. Общество, которому свойственны исторический оптимизм, мир и спокойствие, охватывают неуверенность, терзания, межнациональная рознь. В стране тысячи беженцев. Допущены крупные ошибки при проведении экономической реформы, упали дисциплина и ответственность, ухудшается жизнь многих людей. В обществе действуют силы, противостоящие социализму.

В Центральный Комитет КПСС идут постановления, резолюции, письма, телеграммы от партийных организаций, трудовых коллективов, групп и отдельных граждан, в которых, поддерживая политику перестройки, советские люди выражают глубокую тревогу и острую боль за нашу Родину, за Коммунистическую партию. Такое впечатление у меня сложилось также от встреч в трудовых коллективах. Люди постоянно задают вопросы на эти темы каждому из нас. А что мы им отвечаем?

Всегда считал и считаю, да и не только я, что главной силой, способной вывести страну из острой ситуации, провести реформы в обществе, являются КПСС и Советы. Но в том случае, если партия сплочена и организована, а ее политика отвечает интересам рабочего класса, трудящихся масс. Лишь в этом случае она может сохранить политическое лидерство.

На мой взгляд, самое опасное состоит в том, что мы допустили ослабление, разрыхление партии. В этом, полагаю, и заключается ошибка политического руководства, Политбюро ЦК. Конечно, на авторитете партии сказывается груз прошлого: тяжелые последствия сталинизма и застойные явления, факты нравственного разложения иных руководителей.

Сейчас в партии действуют фракции, группировки, оппозиционные течения. На основе демократической платформы ревизионисты (они себя называют радикалами) пытаются изнутри преобразовать КПСС в парламентскую партию, отстранить ее от организаторской работы в массах, в трудовых коллективах. Целые группы коммунистов не только участвуют, но и возглавляют националистические сепаратистские организации.

На партию извергаются потоки лжи. Сколько за последнее время оклеветано достойных коммунистов, руководителей, видных представителей науки, культуры, литературы. Постоянно нападкам и клевете подвергаются Советская Армия, органы госбезопасности.

Под флагом демократии, гласности идет размывание идейных и моральных устоев общества. Разрушительная работа оппозиционных сил смыкается с враждебными силами извне. Вслед за Восточной Европой они поставили цель «раскачать социализм» в СССР, сорвать общественные преобразования на путях научного социализма, перевести нашу страну в рамки капиталистического развития.

Что касается средств массовой информации, то наряду с большой созидательной работой, которую они ведут, некоторые издания, студии телевидения и радио откровенно топчут все наше прошлое и настоящее, нагнетают напряженность в обществе, замалчивают позитивные процессы перестройки, оставляют без внимания повседневный труд миллионов советских людей. Здесь нет плюрализма мнений, здесь господствует махровый диктат.

Причем обо всем этом много говорится, в том числе на Пленумах ЦК и заседаниях Политбюро, в Верховном Совете СССР, но положение не улучшается. Дальше обмена мнениями дело не идет.

В связи с решением Верховного Совета Литвы о выходе из состава СССР резко обострилась обстановка в советской федерации усилилась тенденция сепаратизма в других союзных республиках. Общегосударственные, интернациональные интересы отодвигаются на задний план.

Все вышеназванные вопросы многими членами ЦК ставились неоднократно на Пленумах ЦК. Нельзя сказать, что о проблемах единства партии я пишу впервые, как бы вдруг, неожиданно. О них говорил открыто, честно на Пленумах ЦК, совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, на заседаниях Политбюро. В Центральный Комитет поступают письма, постановления, в которых коммунисты, партийные комитеты критикуют Политбюро ЦК за непоследовательность, выражая мнение партийных масс, трудящихся, требуют усиления борьбы с деструктивными силами.

В партии во весь рост наряду с демократизацией и укреплением связей с массами встала задача размежевания, очищения ее рядов от тех, кто занимает позиции ревизионизма, социал-демократизма, национализма. В противном случае возможен раскол партии. Тогда КПСС ждала бы участь Компартии Литвы. Почему мы медлим с размежеванием? Разумеется, эта работа должна проходить строго в рамках Устава КПСС и Конституции СССР.

Считаю, что сейчас тот случай, когда политическую ситуацию в партии надо рассмотреть на Пленуме ЦК. Если обратиться к исто-

рии, то при Ленине на пленуме коллективно рассматривался текущий момент. Необходимо созвать внеочередной Пленум ЦК КПСС. На нем можно было бы обсудить задачи партии по укреплению ее единства, целостности Советского государства. На Политбюро договорились направить по этому вопросу письмо в партийные организации. Убежден, что этого недостаточно.

В числе других заслуживает внимания, на мой взгляд, вопрос особой политической важности об участии рабочего класса и крестьянства в государственных органах, партийных комитетах. Как известно, дело дошло до того, что в Москве и Ленинграде народными депутатами РСФСР избраны лишь по одному рабочему. Судя по всему, неотложным является открытый, прямой разговор и принятие решения об усилении влияния партии на коммунистов, работающих в органах массовой информации.

Партия ждет от Центрального Комитета анализа событий в Восточной Европе. Социалистическое содружество распадается, НАТО укрепляется. На первый план вышел германский вопрос. Думаю, что в историческом плане это временное отступление социализма, уверен, что коммунистическая идея одержит верх.

Вы знаете, Михаил Сергеевич, меня, мой характер, видимо, понимаете, что я не мог не написать это письмо. Обстановка требует неотложных действий. Партия, Отечество в опасности, я бы сказал, в чрезвычайной опасности. И возможный распад нашей федерации стал бы потрясением мирового масштаба, непоправимым ударом по социализму, международному коммунистическому и рабочему движению.

Убежден, что рассмотрение этих вопросов на Пленуме ЦК принесло бы большую пользу.

Просил бы ознакомиться с этим письмом товарищей, входящих в состав Политбюро ЦК и Центрального Комитета партии.

С уважением *Е. Лигачев.*
27.03.90 г.»

* * *

Как известно, последующие события полностью подтвердили анализ ситуации, сделанный в этом письме. Если бы, уступая требованиям с мест, Горбачев созвал Пленум ЦК для обсуждения положения в партии и в стране, очень вероятно, что развитие событий удалось бы взять под контроль, избежать глубокого кризиса. Увы, этого не произошло. Пленум не созвали. Вопреки громогласным заявлениям о совершенствовании внутрипартийной демократии с моим письмом не были ознакомлены члены ЦК. Оно просто легло под сукно.

Таков был метод Горбачева. При Сталине за такое письмо сняли бы голову. При Хрущеве прогнали бы с работы. При Брежневе отпустили бы послом в Африку. А при Горбачеве попросту проигнорировали, замолчали...

Но так или иначе, а ко времени XXVIII съезда КПСС наветы на меня развеялись, мои позиции в партии заметно упрочились. Это, конечно, понимали Горбачев и Яковлев.

И накануне XXVIII партсъезда была выдвинута, я бы сказал, невиданная идея полной смены руководства партии. Сама по себе эта идея означала отрицание такой важнейшей категории, как преемственность. Можно и нужно, более того, необходимо менять на съездах треть, половину, наконец, две трети состава руководства. Но чтобы сменить почти всех разом?! Такого не бывало в истории нашей партии, да и за рубежом не случалось, будь то партии коммунистические, социалистические или буржуазные. Полная замена всех членов Политбюро была антидемократической, силовой мерой. Исходило все это лично от Горбачева.

Не буду сейчас касаться бурных перипетий XXVIII съезда КПСС, на котором я вел борьбу, что называется, до последнего. Но об одном примечательном эпизоде умолчать не могу. Он произошел за день до окончания съезда, когда меня уже не избрали заместителем Генерального секретаря, что на деле означало отставку. Во время одного из перерывов я стоял в вестибюле Дворца съездов, обсуждая с писателями Владимиром Карповым и Анатолием Салуцким текущие события. Неожиданно в сопровождении телеоператора подошел известный американский советолог, профессор Стивен Коэн. Я читал его книгу о Бухарине, и нам уже приходилось встречаться. Во время этих встреч я понял, что не во всем разделяю взгляды Коэна на процессы, происходящие в СССР, а он соответственно не принадлежит к числу тех, кто разделяет мою позицию. (В последующем наши встречи стали еще чаще. Коэн написал вступительную статью к американскому изданию моей книги).

И вдруг Стивен Коэн, неплохо владеющий русским языком, воскликнул:

– Егор Кузьмич, позвольте пожать вам руку! Вы смелый, вы очень мужественный человек! Вы ушли красиво!

Что ж, право Стивена Коэна именно так оценивать мои действия. Но на самом-то деле я вовсе не задумывался над тем, чтобы «уйти красиво». Вопрос заключался в другом. Я пошел на выборы зам. Генсека с целью полнее раскрыть свою позицию, свое видение обстановки в партии перед делегатами съезда, коммунистами страны. Свой последний шанс я использовал сполна.

Разумеется, не я один бил тревогу, но, как уже говорилось, все уходило, как в вату. Яковлев без конца занимался утешительством и говорил:

– Что-то мы сегодня очень нервничаем. Стоит ли?.. Идет нормальный перестроенный процесс. Это неизбежные трудности переходного этапа, и не надо так волноваться.

Однажды на Политбюро я резко возразил:

– Не надо нас убаюкивать, успокаивать. За этим столом нет слабонервных. В стране назревает кризисная ситуация.

Но Яковлев продолжал сглаживать углы. Так было во всех острых случаях: будь то вопрос о праворадикальных (антисоветских) СМИ или же о Литве. Это была его позиция – не нервничать! И она очень напоминала старую водевильную песенку «Все хорошо, прекрасная маркиза!» То там, то здесь все уже, как говорится, полыхнуло синим пламенем, а Александр Николаевич невозмутимо тянул свое «не надо нервничать». Что это? Отстраненность от реальной жизни? Отсутствие политической прозорливости? Или же, наоборот, далекие расчеты? Пожалуй, последнее. Скажу откровенно: в сочетании с сильным политическим радикализмом его убаюкивание в преддверии самых критических ситуаций меня поражало.

* * *

Могу сказать, что во многих принципиальных, острых случаях, когда Михаил Сергеевич, казалось бы, занимал позицию, в конечном итоге брал верх яковлевский подход, «серый кардинал» умелстоять на своем. Это, в частности, относится к истории с выборами народных депутатов по производственным округам, которые предлагали ленинградцы, получив поначалу поддержку Горбачева. Немало и других аналогичных ситуаций. Но, возможно, одним из самых явных, самых показательных является случай, происшедший в преддверии XXVIII съезда КПСС.

Когда полным ходом развернулась подготовка к съезду, возник вопрос о приглашении зарубежных делегаций. Это была давняя традиция наших съездов, а на переломном этапе перестройки потребность в присутствии зарубежных гостей, на мой взгляд, еще более нарастала. Над КПСС нависала угроза раскола, нужно было искать новые пути консолидации. Кроме того, отныне нам предстояло жить при многопартийности, и здесь мог очень пригодиться опыт и совет тех, кто давно действовал в таких условиях.

Да и вообще, пристало ли скрывать идущую внутри КПСС борьбу от товарищей по идее?

Но неожиданно Международный отдел ЦК, который находился в ведении Яковлева, разослал членам Политбюро документ, где без всяких обоснований утверждалось, что приглашать зарубежные делегации не следует. Ознакомившись с ним, я немедленно написал Михаилу Сергеевичу краткую записку, в которой изложил свою позицию: это очень важный вопрос, я высказываюсь ка-

тегорически за приглашение, это полезно и для нас, и для зарубежных товарищей.

Через несколько дней Горбачев отбывал с официальным визитом в Соединенные Штаты Америки. Как обычно, все члены политического руководства собрались в аэропорту Внуково-2, и, прощаясь, Михаил Сергеевич вернулся к поднятому мною вопросу:

– Так будем приглашать зарубежные делегации или нет? Егор Кузьмич настаивает. Я считаю, что он прав, я его поддерживаю.

Все согласились с таким мнением. Не последовало возражений и со стороны Яковлева.

Еще через пару дней мы собрались в зале заседаний Секретариата на Старой площади, и я обратился к Медведеву:

– Как идут дела с приглашением на съезд зарубежных делегаций?

Вместо Медведева ответил Яковлев:

– Это дорого, нужно миллионы затратить...

Но ему тут же возмущенно возразил Слюньков:

– Что вы говорите, Александр Николаевич, разве к этому важнейшему вопросу можно подходить с такой меркой?

Слюньков был дважды прав еще и потому, что в последние годы мы расходовали большие средства на прием многочисленных зарубежных делегаций по «ведомству Яковлева» и еще столько же – на поездки за рубеж наших представителей, в основном радикально настроенных. Но едва зашла речь о делегациях компартий, Яковлев сразу заговорил о нехватке денег. Но ведь эту немаловажную, кстати, проблему можно было решить компромиссно: не в пример прошлым съездам мы могли бы принять зарубежные делегации скромно, с минимумом расходов.

Поэтому я решительно поддержал Слюнькова:

– Это вопрос политический. Мы всегда приглашали товарищей из-за рубежа. Нас не поймут, если сейчас, в эпоху гласности, мы поступим иначе.

Как говорится, обмен мнениями состоялся. Но, наученный горьким опытом последних двух лет, я понимал, что Яковлев будет молча стоять на своем. И бездействовать. Впрочем, вернее бы сказать наоборот: действовать. Но негласно, кабинетно – это был его излюбленный метод, это была его обычная тактика. Шли дни... В конце концов вопрос о приглашении зарубежных делегаций похоронили. Впервые за многие десятилетия делегации от дружеских партий не присутствовали на съезде.

Почему Яковлев так активно противился приезду зарубежных гостей? Я думаю, дело в том, что он опасался их выступлений. Съезд обещал быть очень острым. Предполагалось, что правые в партии, назвавшие себя «Демократической платформой» и поддерживав-

мыс Яковлевым, попытаются «перехватить» КПСС или как минимум добиться ее раскола. Можно было не сомневаться: зарубежные делегации не стали бы приветствовать такой ход событий, они поддерживали бы здоровые силы в партии.

И еще об одном. За долгие годы, пожалуй, за всю советскую историю, на XXVIII съезде КПСС не была дана характеристика международного рабочего и коммунистического движения, а в новом Уставе КПСС исключено положение о том, что КПСС – составная его часть. Но ведь даже в самые трудные времена, когда партия находилась в подполье, она не скрывала своих программных целей.

Эти вопросы возникали в Политбюро при рассмотрении проекта Устава. И всякий раз, когда я вносил предложение сохранить столь важную позицию, предложение без какой-либо аргументации отклонялось.

Конечно, анализ международного коммунистического и рабочего движения – сложное, пожалуй, архисложное дело, требующее больших знаний и политической прозорливости, глубокого ума. Коммунистическое движение понесло большие потери, находится в кризисном состоянии. Тем более оно нуждается в коллективном анализе и выработке мер по преодолению кризиса. Но наша партия обладала достаточными интеллектуальными силами, чтобы совместно с зарубежными друзьями на основе дискуссии, свободного обмена мнениями провести эту работу. В первые годы перестройки в этом деле предпринимались серьезные усилия, им лично занимался Горбачев. Но потом все пошло на убыль. Почему? Чем объяснить, что резко снижен интерес к связям между коммунистическими и рабочими партиями? Какие объективные и субъективные факторы привели к этому? Быть может, наше участие в комдвижении мешало кому-то за рубежом?..

Но зато со всей определенностью могу сказать, что практически все выступления Генерального секретаря, касающиеся международных вопросов (кстати, не только международных!), готовил Яковлев. Вообще говоря, Горбачев принадлежит к тем политикам, которые сами основательно работают над своими выступлениями. Однако он неизменно привлекал Яковлева, что позволяло тому, конечно, оказывать на Горбачева влияние.

Я рассказал здесь о конкретных случаях, когда Михаил Сергеевич менял свою позицию. Но то была лишь видимая часть айсберга.